

Анна Шилд  
Ада Огнева

Больше  
чем  
десерты  
—  
больше  
счастья



Москва  
вкуснее  
с любовью



Сладкие  
люди  
делают  
мир  
добрее



Месть  
тоже  
бывает  
сладкой



# Сладкая месть мажора



Ада Огнева

# **Сладкая месть мажора**

«Автор»

«Автор»

2026

**Огнева А.**

Сладкая месть мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Алина спасает семейную пекарню собственными руками. Денис Морозов, наследник строительной империи, собирается снести старый подвал ради элитного проекта. Их первая встреча заканчивается испорченным смокингом и публичным скандалом. А дальше начинается спор, в котором мажору придётся узнать цену честного труда — среди муки, жара и приказов упрямой кондитерши. Алина намерена защитить свой дом, а не разглядеть в противнике мужчину. Денис рассчитывает на победу, а не на смену у печи. Но чем дольше длится их война, тем труднее помнить, кого здесь полагается ненавидеть.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                       |    |
|---------------------------------------|----|
| Глава 1. Торт особого назначения      | 6  |
| Глава 2. Приятного аппетита, инвестор | 10 |
| Глава 3. Ставка на тридцать дней      | 14 |
| Глава 4. Юридический террор           | 17 |
| Глава 5. Желтый фартук                | 20 |
| Глава 6. Личный аудит                 | 24 |
| Глава 7. Сахарный снеговик            | 27 |
| Глава 8. Турборежим                   | 31 |
| Глава 9. Половина круассана           | 35 |
| Конец ознакомительного фрагмента.     | 36 |

# **Анна Шилд**

## **Сладкая месть мажора**

Сладкая месть мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

## Глава 1. Торт особого назначения

### Алина

Воздух в нашей полуподвальной пекарне в Сокольниках каждое утро начинался одинаково. Сначала просыпалась старая подовая печь, глухо урча чугуном нутром и выдыхая сухой жар нагретого шамотного кирпича. Следом оживала закваска в дубовом чане — тяжелая, пористая, дышащая спелой ржаной кислинкой и терпким хмелем. К четырем часам утра к этому духу примешивался самый упоительный аромат на свете. Запах растопленного сливочного масла высшего сорта, стручковой бурбонской ванили, растертого в медной ступке кардамона и кипящей на медленном огне соленой карамели.

Я стояла у широкого кондитерского стола из полированной нержавеющей стали и выравнивала шпателем коржи для бенто-тортов.



Мои пальцы подрагивали от усталости. Я прижала локоть к боку и довела шпателем последний круг: под лезвием исчезла бороздка, и кремный борт заблестел. На мне был привычный рабочий комбинезон из плотного серого хлопка и наглухо завязанный фартук. Волосы я убрала в тугий гладкий узел на затылке, закрепив двумя деревянными шпильками, чтобы ни одна непослушная прядь не посмела выбиться к раскаленным противням.

— Алина, доченька, ты бы присела хоть на минутку, — прогудел из дальнего угла дядя Боря.

Мой родной дядя, заменивший мне родителей после той проклятой аварии на трассе десять лет назад, выглядел как сказочный лесной богатырь, по недоразумению облачившийся в белоснежный поварской колпак. Широченный в плечах, с окладистой бородой и вечно припорошенными белой мукой усами, он стоял перед деревянной колодой и священнодействовал над будущими круассанами. Его тяжелые ладони бережно, словно хрустального младенца, раскатывали слоеное тесто, заворачивая в него ледяные пласты вологодского масла.

— Если я присяду, дядя Боря, у нас пригорит малина для кули, — отозвалась я, не опуская шпателя. — Если пригорит малина, мы сорвем заказ для загородного клуба на Новой Риге. Наш любезный арендодатель придет сюда в понедельник ровно в десять утра и сменит замки.

Дядя Боря виновато шмыгнул носом и тоскливо опустил взгляд на деревянную лопатку.

Пекарня «Мякиш и Крем» была его жизнью. Он открыл ее двадцать лет назад в этом полуподвале старого доходного дома с толстыми кирпичными сводами, где сквозь низкие зарешеченные окна на уровне мостовой были видны только осенние желтые листья и ботинки прохожих. Здесь стоял старинный пузатый холодильник «ЗИЛ», выкрашенный мной в мятный цвет, здесь на полках теснились сотни стеклянных баночек с натуральными экстрактами, сушеными лепестками васильков и золотистым кандурином. Но последние полгода нас буквально душили коммунальные счета, подорожавшая мука и кабальный договор аренды. Долг перевалил за триста тысяч рублей. Выездной банкет девелоперской корпорации на Новой Риге был нашим последним золотым шансом выкарабкаться из финансовой ямы.

Дверь с улицы скрипнула, и в цех вихрем влетела Света. Моя лучшая подруга и по совместительству самопровозглашенный директор по маркетингу, контенту и связям со Вселенной. На ее круглом носу сидели модные очки в леопардовой оправе, а в руках она сжимала стопку картонных коробочек из сахарного тростника.

— Народ, вечер на дворе, трубы горят! — провозгласила Света, сбрасывая мокрый плащ прямо на табурет у входа. — На улице ветрище, пробки на кольце уже шесть баллов, а организаторы банкета только что прислали сообщение с тремя восклицательными знаками. Требуют привезти десертную линию на полчаса раньше.

— Спокойствие, только спокойствие, — я аккуратно сняла излишки бархатистого сырного крема с вращающейся подставки. — Все готово. Двести тарталеток с лимонным курдом и розмарином упакованы. Фисташковые макароны на решетках остыли. Остался только наш коронный номер.

Я перевела дыхание и бережно придвинула к себе центральный бенто-торт.

Это был настоящий шедевр кондитерского бунта. Насыщенный «Красный бархат» с добавлением отборного темного какао, пропитанный коньячным сиропом, с терпкой прослойкой из натурального малинового кули и плотным крем-чизом на сливках. Сверху торт был залит матовым черным ганашем из бельгийского шоколада. А в самом центре, тонким соплом кондитерского мешка, белоснежной сахарной глазурью я лично вывела каноническую фразу — «Жри и не подавись».

Света подошла ближе, благоговейно сложила ладони на груди и громко щелкнула языком.

— Божественно. Цинично, свежо и абсолютно в духе зажавшихся инвесторов. Они сейчас платят бешеные деньги за то, чтобы почувствовать себя ближе к народу через легкое светское хамство.

— Главное, чтобы они заплатили вторую половину гонорара наличными сразу после расстановки столов, — вздохнул дядя Боря, вытирая руки вафельным полотенцем. — Поезжайте с богом, девочки. Берегите коробки на поворотах.

Мы берегли. Мы везли эти коробки через половину Москвы так, словно в багажнике нашего старенького фургончика покоились бесценные хрустальные вазы династии Мин, требовавшие предельной осторожности на каждом ухабе.

Загородный комплекс на Новой Риге встретил нас слепящим сиянием ландшафтной подсветки, мокрыми гранитными дорожками и россыпью премиальных немецких автомобилей на закрытой парковке. В огромном банкетном зале девелоперского арт-кластера царил тот особенный тип дорогой суеты, от которого у нормального человека начинает звенеть в висках. Золоченые люстры под высокими потолками отражались в полированном черном мраморе пола. По залу бесшумно скользили официанты в строгих смокингах с серебряными подносами, на которых позвякивали бокалы с ледяным шампанским. В воздухе плыл тяжелый, душный

коктейль из ароматов селективной амбры, дорогого табака, цветочных композиций из белых орхидей и холодного электрического сияния огромных экранов.

Мы со Светой встали за выделенную нам фуршетную линию.

Я быстро, привычными движениями раскладывала десерты по многоярусным хрустальным подставкам. Каждая тарталетка ложилась строго на свое место, пирожные выстраивались идеальной шеренгой, а бенто-торты заняли почетную центральную линию на зеркальном блюде.

— Внимание на двенадцать часов, — тихо, сквозь зубы шепнула Света, наклоняясь ко мне под видом проверки салфеток. — Десант хозяев жизни высадился у центрального входа.

Я подняла глаза.

В центр зала неторопливо входила группа мужчин. Они двигались с той ленивой, вальяжной грацией хищников, которая вырабатывается годами безграничной финансовой власти. Впереди всех шествовал мужчина, при взгляде на которого у меня внутри что-то оборвалось и сжалось в ледяной комок.

Высокий, широкоплечий, с точеной линией упрямой челюсти и темными, безупречно уложенными волосами. На нем сидел смокинг глубокого черного цвета от элитного ателье «Том Форд». Матовая ткань тончайшей шерсти, широкие шелковые лацканы, белоснежная сорочка с идеальной плиссированной манишкой и массивные платиновые запонки с черным ониксом. В правой руке он небрежно покачивал тяжелый граненый стакан с виски, где тихо звенел прозрачный кубик льда.

Вокруг него суежилась свита из молодых топ-менеджеров, жадно ловивших каждый жест своего лидера.

— Это Денис Морозов, — свистящим шепотом доложила Света, вцепившись пальцами в край стойки. — Тот самый вице-президент холдинга «Морозов Групп». В деловых кругах его зовут титановым капканом. На прошлой неделе он за полчаса выкупил долговые обязательства трех фабрик и закрыл производство, оставив конкурентов без штанов.

— Обычный лощеный наглец с идеальным пробором, — процедила я в ответ, чувствуя, как щеки обжигает волна неприязни.

Денис Морозов остановился в двух шагах от нашей десертной зоны. Он увлеченно диктовал условия своим помощникам, даже не глядя по сторонам. Помощник наклонил голову к его губам и приготовил телефон для записи. Морозову хватало вполголоса назвать улицу, чтобы вокруг умолкли.

— Спартаковская, четвертый дом. Первая линия под снос утверждена окончательно, — ронял Морозов, лениво взбалтывая янтарный напиток в бокале. — Исторической ценности в этих полуподвальных клоповниках в переулках нет никакой. Все эти ветхие кирпичные сараи мы сгребем экскаваторами до основания. Разобьем котлован под подземный паркинг, сверху посадим башню из стекла и полированного камня. Арендаторов уведомить за две недели и выставить вон с минимальной компенсацией.

Мои пальцы побелели, намертво впившись в край кондитерского подноса. В ушах застучали тяжелые молоты. Он говорил ровно про наш переулок. Про наш старый кирпичный дом, про пекарню, где дядя Боря двадцать лет лелеял свои закваски, вкладывая душу в каждый каравай. Для этого холеного чудовища в смокинге за полмиллиона чужая жизнь была просто грязным пятном на инвестиционной карте.

Увлеченный собственным величием, Морозов сделал резкий шаг назад спиной к нашему столу.

Его локоть в шелковом рукаве с размаху врезался в верхний ярус хрустальной пирамиды с десертами.

Стойка качнулась. Хрустальная чаша с фисташковыми макаронами и профитролями накренилась над пропастью, готовая рухнуть на полированный мрамор.

Мое тело сработало раньше рассудка. Годы работы у раскаленных плит выработали во мне звериную реакцию на падающие предметы. Нырнув под локоть зазевавшегося метрдотеля, я в падении подхватила накренившуюся подставку за серебряную ножку буквально в пяти сантиметрах от пола. Ни одно пирожное не сорвалось с глазури. Равновесие было спасено.

Выпрямившись во весь рост, я обожгла широкую спину девелопера ледяным взглядом.

— Под ноги смотрите, пожалуйста, — отчеканила я звонким, режущим голосом, разрезавшим светский гул зала. — Здесь тонкая работа. И живой человеческий труд, между прочим.

Денис Морозов медленно повернулся.

Его темные брови надменно взлетели вверх. В глазах цвета горького шоколада вспыхнуло неподдельное, холодное изумление. Похоже, за всю свою сытую жизнь он ни разу не сталкивался с тем, чтобы девушка в фартуке посмела сделать ему замечание при подчиненных.

Его взгляд неторопливо скользнул по моему лицу, задержался на каштановой пряди у виска, мазнул по испачканному мукой краю фартука и с брезгливой ленцой опустил на выставленные бенто-торты.

— Что это за колхозное творчество? — скривил он тонкие губы, поморщив породистый нос.

Горло мне сдавило раскаленным обручем. Сердце колотилось прямо в горле.

— Это авторские десерты, заказанные организаторами вашего закрытого вечера, — произнесла я, изо всех сил стараясь не сорваться на крик. — Натуральные ингредиенты. Ручная роспись.

Морозов даже не стал дослушивать. Он повернул голову к стоявшему рядом куратору банкета и махнул рукой в сторону нашего стола.

— Уберите отсюда эту сельскую самодеятельность с сахаром, — бросил он равнодушно, словно отдавал приказ выбросить старую газету. — От одного вида этих крашенных лепешек несет дешевым маргарином и пальмовым жиром. Замените на свежие устрицы и тартар из тунца. А эту лавочку вместе с персоналом выставьте за шлагбаум прямо сейчас, пока я не распорядился вызвать охрану.

Он повернулся ко мне спиной и поднес бокал к губам, намереваясь сделать глоток.

Трое его спутников угодливо, мерзко захихикали.

В этот миг во мне сломалась последняя плотина терпения. Слово «маргарин» прозвучало как плевок в лицо. Мой дядя Боря покупал вологодское сливочное масло высшего сорта по безумным ценам, отказывая себе в новых ботинках, лишь бы сохранить безупречный сливочный вкус теста. Мы не спали трое суток, чтобы это лощенное чучело смело назвать наш труд колхозом?

Моя рука скользнула по зеркальному блюду. Пальцы сомкнулись на плотной картонной подложке центрального бенто-торта. Четыреста граммов влажного «Красного бархата», алый малиновый кули, густой темный ганаш и четкая надпись белой глазурью.

— Эй, господин инвестор, — негромко, но с пугающей отчетливостью позвала я.

Денис Морозов с раздражением полуобернулся через плечо.

— Что тебе еще надо —

Закончить фразу он не успел.

## Глава 2. Приятного аппетита, инвестор

Я шагнула вперед и с резким, хлестким замахом прирожденного метателя дисков припечатала торт прямо в середину его груди.



Звук получился сочным, глухим и оглушительным. Плотный бисквит смачно расплющился о крахмальную манишку. Густой черный ганаш жирными брызгами разлетелся по шелковым лацканам смокинга от «Том Форд». А ярко-алый малиновый джем щедрой струей потек вниз, заливая шелковый галстук-бабочку и безупречные складки белоснежной сорочки. Надпись «Жри и не подавись» распалась на две части, словно позорное клеймо отпечатавшись на груди главного деvelopepa Москвы.

Хрустальный бокал выскользнул из ослабевших пальцев Морозова и с дребезжащим звуком разлетелся на тысячи осколков по полированному мрамору.

В огромном зале воцарилась гробовая, парализующая тишина. Сотни нарядных гостей застыли с открытыми ртами. Музыка смолкла. Слышно было только, как тяжелая алая капля малинового джема с мерным стуком упала с лацкана Дениса прямо на зеркальный носок его черного дизайнерского оксфорда.

Лицо Морозова побелело до синевы. Его зрачки расширились от дикого, первобытного шока. Мужчина стоял неподвижно, не веря собственным глазам и боясь пошевелиться.

Я вытерла испачканный в креме палец белой льняной салфеткой. Морозов следил за ней так, будто я готовила второй снаряд. Я положила салфетку на стойку и одарила его самой ослепительной, медовой улыбкой.

— Приятного аппетита, инвестор, — ласково произнесла я. — Маргарина там нет, чистейшее вологодское масло и бельгийские какао-бобы. Носите на здоровье. Не обляпайтесь.

Сзади пискнул телефон. Света остановила запись — снимала с той самой минуты, когда Морозов назвал наши десерты колхозом.

Я подхватила металлический поднос, дернула оцепеневшую подругу за локоть, и мы стремительно рванули к служебному выходу. Сзади уже нарастала буря — истошные крики распорядителей, топот ног службы безопасности и свирепый, глухой рев Морозова, пришедшего в себя. Но двери кухни уже захлопнулись за нашими спинами. Мы вылетели в прохладную темноту служебной парковки, запрыгнули в наш фургончик и с визгом покрышек сорвались в спасительную ночь.

Наш старенький фургончик дребезжал всеми ржавыми рессорами, подпрыгивая на мокрых стыках эстакады.

В кабине пахло бензином, сырыми ковриками и остывающим шоколадом, остатки которого все еще темнели у меня под ногтями. Я вцепилась в потертую баранку руля так, что побелели костяшки пальцев. Ноги мелко, противно вибрировали на педалях сцепления и газа. Адреналиновый шторм, секунду назад заставлявший сердце колотиться о ребра с частотой отбойного молотка, начал медленно отступать, оставляя после себя сосущую пустоту в желудке и ледяную дрожь в коленях.

Рядом на пассажирском сиденье билась в форменной истерике Света.

Она то сползала вниз, зажимая рот обеими ладонями и давясь визгливым хохотом, то взлетала вверх, едва не пробивая головой провисший потолок фургона.

— Алина, ты его припечатала! — вопила подруга, размахивая смартфоном перед моим носом. — Ты видела его физиономию? Ты видела эти глаза? Человек строит жилые комплексы за миллиарды долларов, а ты вlepила ему «Красный бархат» прямо в середину души! И джем... господи, этот алый джем на шелковой бабочке! Это же чистый кинематограф! Ты понимаешь, что ты сейчас совершила революцию в сфере кондитерского обслуживания?

— Света, прекрати орать, меня сейчас оштрафует первая же камера на развязке, — хрипло отозвалась я, глядя в мутное лобовое стекло, по которому метались старые резиновые дворники. — Лучше скажи, за нами была погоня? Охрана высылала перехват?

— Какая погоня? — фыркнула Света, утирая выступившие от смеха слезы тыльной стороной рукава. — Охрана на банкете стояла столбами, у них случился коллективный паралич от одного вида шефа в шоколаде! Пока распорядители бегали за влажными полотенцами и искали вальерьянку для организатора, мы уже выскочили на шоссе. Но это еще цветочки, дорогая моя. Ты даже не представляешь, какие ягодки сейчас созрели в столичных пабликах.

Телефон в ее руке протяжно завибрировал. Звуки входящих уведомлений слились в сплошную пулеметную очередь, озаряя салон фургона мертвенным синеватым светом.

— Что там еще? — у меня внутри снова шевельнулся неприятный, липкий холодок. Желудок сжался в тугий узел.

— Наш звездный час, — торжественно объявила подруга, поворачивая ко мне светящийся экран. — Закрытый телеграм-канал светской хроники Патриарших прудов. Канал элитных девелоперов Москвы. Городские сплетники всех мастей. Ролик с твоим броском выложили сорок минут назад. Уже больше ста тысяч просмотров. И цифры крутятся со скоростью счетчика на бензоколонке.

Я бросила быстрый взгляд на экран, пока фургон стоял на длинном красном сигнале светофора у Третьего транспортного кольца.

Картинка была предательски, пугающе четкой. Света сняла шедевр, достойный фестивальных наград. Замедленный повтор смаковал каждую секунду позора столичного мажора. Вот Денис Морозов брезгливо кривит губы и машет рукой в сторону нашего подноса. Вот я делаю решительный шаг вперед. Вот четыреста граммов сочного бисквита «Красный бархат» с малиновым кули врезаются в его безупречный смокинг от «Том Форд». Черный ганаш взрывается сочным фонтаном, а белые буквы «Жри и не подавись» красиво, словно печать возмездия, ложатся на крахмальную манишку. И вишенка на торте — расширившиеся от дикого пер-

вобытного ужаса зрачки грозного инвестора и медленно падающий на полированный мрамор хрустальный бокал с восемнадцатилетним виски.

Под видео полыхал настоящий пожар из ядовитых комментариев.

Конкуренты Морозова, партнеры по строительному бизнесу и завсегдатаи закрытых клубов упражнялись в сарказме с упоением голодных гиен. Кто-то уже успел пририсовать к портрету Дениса поварской колпак с клубничками. Другие наперебой строчили колкие реплики — «Инвест-хищник отведал крафтового бархата», «Морозов Групп открывает подразделение сладкой мести», «Когда хотел снести квартал, но получил десертом по зубам».

— Это катастрофа, — глухо выговорила я, трогая машину с места и переключая передачу. В горле пересохло, словно я наглоталась сырой муки.

— Какая катастрофа? Это бесплатный вирусный охват на миллион долларов! — возмутилась Света, убирая челку со лба. — Завтра к нашей полуподвальной двери выстроится очередь из хипстеров со всей Москвы! Все захотят попробовать тот самый торт, которым умыли главного сноба столицы! Мы назовем его «Слезы девелопера» и поднимем ценник втрое!

— Завтра к нашей двери выстроится взвод юристов с судебными приставами и болгарками, — оборвала ее я, сворачивая в темные переулки Сокольников. — Ты не понимаешь, с кем мы связались, Света. Такие хищники, как Морозов, не знают слова прощение. Они привыкли стирать людей в порошок за один косой взгляд. А я прилюдно выставила его посмешищем перед всей элитой города. Его мужское самолюбие растоптано в кашу. Он не просто разозлится. Он придет уничтожить все, до чего сможет дотянуться.

Света осеклась. Ее восторженная улыбка медленно угасла, сменившись растерянностью и страхом. Она опустила смартфон на колени и тихо уставилась в темное боковое окно, где в свете редких фонарей проплывали мокрые фасады старых домов.

До нашей пекарни мы доехали в полном, гнетущем молчании.

Полуподвал встретил нас знакомым, родным теплом. Я приткнула поднос к стойке и прислонилась лбом к прохладному кирпичу. Пахло ржаным караваем, сушеными яблоками, топленым молоком и ванильным сахаром. На деревянном прилавке дремал пузатый глиняный кувшин, в углу тихо урчал холодильник «ЗИЛ».

В маленькой комнатке за ситцевой занавеской на старом продавленном диване спал дядя Боря. Могучий старик даже во сне не снял своего белого колпака. Он тихо похрапывал в бороду, подложив под щеку тяжелую руку пекаря, огрубевшую от тысяч замешанных буханок.

Я на цыпочках подошла к кондитерскому столу, сняла куртку и бессильно опустилась на деревянный табурет. Руки гудели, плечи ломило от чудовищного напряжения последних суток.

— Деньги, — тихо напомнила Света, присаживаясь напротив и кутаясь в тонкий кардиган. — Вторую часть гонорара нам, понятное дело, никто не перевел. Что у нас вообще осталось в кассе?

Я молча пододвинула к себе круглую жестяную коробку из-под цейлонского чая, в которой мы хранили наличную выручку. Открыла тугую крышку и высыпала содержимое прямо на полированную сталь столешницы.

По металлу с сиротливым звоном раскатились латунные монеты. Следом легла тощая пачка помятых сторублевых и пятисотенных купюр, перехваченная аптечной резинкой.

Мы пересчитали трижды, раскладывая бумажки по кучкам. Пальцы сводило от холода. Двадцать четыре тысячи шестьсот рублей.

Это было все. Наш неприкосновенный запас, оставшийся после закупки какао-бобов, мешка фисташек и оплаты счетов за электричество. А долг по аренде составлял триста двадцать тысяч рублей. И срок жесткого ультиматума хозяина помещения истекал в понедельник в десять утра.

— Мы не наберем эту сумму, — прошептала Света, глядя на жалкую горку бумажек влажными глазами. — Даже если продадим все пирожные в округе и сдадим наши телефоны в ломбард.

— Значит, будем работать без сна и отдыха, — ответила я, убирая деньги обратно в жестяную банку. — Завтра суббота. Я замешу тройную порцию круассанов с темным шоколадом. Испеку партию пышных бриошей с заварным ванильным кремом. Сделаем ягодные корзиночки с малиной. Мы выставим витрину прямо на тротуар, если понадобится. Будем кричать на всю улицу.

Я заварила в большой щербатой кружке крепкий черный чай с сушеным чабрецом, обхватила горячую керамику ладонями и закрыла глаза.

Перед моим внутренним взором все еще стояло лицо Дениса Морозова. Его темные, налитые яростью глаза, побелевшие от бешенства скулы и капля алого малинового сока на зеркальном носке туфля. В груди тянуло тяжелым, тревожным предчувствием скорой беды. Я понимала, что эта пятничная ночь разделила нашу спокойную жизнь на до и после. Машина возмездия уже тронулась с места, и ее колеса катились прямо к нашему порогу.

### Глава 3. Ставка на тридцать дней

Тогда, сидя в тихом полумраке над остывающим чаем в Сокольниках, я еще не знала, какая изощренная мужская игра закрутилась в тот самый час на другом берегу реки.

Я не слышала глухого басового гула закрытого клуба на шестьдесят втором этаже стеклянной башни в Сити. Не видела, как за панорамным остеклением от пола до потолка раскинулось холодное море ночной Москвы, мерцающее миллионами золотых и неоновых огней. Лишь много недель спустя, когда тайное станет явным и сокрушительная правда разорвет мое сердце на куски, я узнаю каждое слово, каждое оскорбительное движение и каждую циничную улыбку той ночи.

В приватной вип-комнате ресторана стоял удушливый запах едкого химического пятновыводителя, дорогого торфяного виски и кубинских сигар.

На спинке широкого кожаного кресла сиротливо висел изувеченный смокинг от «Том Форд». Шелковые лацканы покрылись несмываемыми бурыми разводами какао-масла, а тончайшая хлопковая ткань манишки безнадежно пропиталась алой малиновой кислотой. Клубный стюард уже двадцать минут безрезультатно втирал в ткань специальный состав из баллончика, но жирное пятно только расплзлось вширь, насмехаясь над лучшими портными Лондона и Рима.

Денис Морозов стоял перед огромным настенным зеркалом в одних брюках и тонкой белой майке, остервенело растирая шею влажным махровым полотенцем.

Капли воды стекали по его широким рельефным плечам и крепкой шее. Мышцы спины мужчины были натянуты до твердости гранитной плиты, челюсти сжаты с такой силой, что на скулах отчетливо перекачивались желваки. Запах кондитерской ванили и шоколада преследовал его повсюду, смешиваясь с химией и доводя до белого каления. Каждый раз, когда он закрывал глаза, перед ним вспыхивало дерзкое лицо девчонки с подносом и насмешливый звук шлепка торта о манишку.

На низком столике из темного дымчатого стекла непрерывно вибрировали три смартфона.

Канал светской хроники уже преодолел отметку в сто восемьдесят тысяч просмотров. В закрытых чатах девелоперов творилась настоящая вакханалия. Члены совета директоров присылали Морозову ядовитые смайлики с кексами, а партнеры по строительному пулу открыто интересовались, не собирается ли его холдинг открыть сеть детских кондитерских в спальнях районах.

Массивная дубовая дверь распахнулась без стука.

В комнату легкой, танцующей походкой вошел Тимур Каримов.

Избалованный наследник строительной империи, владелец видового пентхауса на Патриарших прудах и давний клубный соперник Дениса, он олицетворял собой тот сорт золотой молодежи, для которого чужие жизни были всего лишь фишками в азартных играх. На нем была расстегнутая на две верхние пуговицы шелковая сорочка, а на правом запястье поблескивал массивный золотой браслет в виде изогнутого гвоздя. Следом за ним с бокалами ледяного шампанского ввалились двое завсегдатаев закрытых вечеринок — Глеб и Марк, уже основательно подогретые алкоголем и с трудом сдерживающие давящийся хохот.

Тимур неторопливо подошел к креслу, двумя пальцами брезгливо приподнял лацкан испорченного смокинга и нарочито глубоко втянул носом воздух.

— Восхитительно, — с театральным наслаждением протянул Каримов, поворачиваясь к Денису. — Чистейший бельгийский ганаш с тонким букетом публичного позора. Слушай, Морозов, я всегда знал, что у тебя крутой нрав, но чтобы тебя раскатала на глазах у половины

списка Форбс сопливая девчонка из общепита? Это номинация на комедию года. Весь город гудит. Наш грозный инвест-хищник получил сладкий дивиденд прямо в табло.

— Закрой пасть, Тимур, — процедил Морозов сквозь зубы, не оборачиваясь от зеркала. Голос его звучал глухо, с опасной хрипотой. — Завтра в девять утра мои юристы снимут с этой лавки шкуру. Они получают судебный иск на такие миллионы, что эта кухарка будет до пенсии мести тротуары вместе со своим дядей.

— Судебный иск? — Каримов картинно всплеснул руками и со смехом рухнул на широкий кожаный диван, закинув ногу на ногу. — Наш грозный инвест-хищник побежит плакаться судье на крем для капкейков? Морозов, ты спекся. Тебя прилюдно опустила наглая пигалица с кондитерским шпателем, а ты прячешься за спины своих высокооплачиваемых крючкотворов. Ты просто испугался девчонки в рабочем фартуке. Признай, что у тебя задрожали коленки.

Глеб и Марк заржали в голос, расплескивая игристое вино на пушистый ковер.

Денис резко развернулся. Его темные глаза полыхнули бешеным, яростным пламенем. Мужчина сделал широкий шаг вперед, кулаки его сжались так, что побелели костяшки. В воздухе отчетливо запахло дракой.

Но Каримов даже не шелохнулся. Он лишь сыто прищурился, полез в глубокий карман дизайнерских брюк и выложил на стеклянный стол тяжелый прямоугольный предмет.

Раздался отчетливый металлический стук.

На стекле тускло блеснул массивный брелок из полированного титана с выгравированной эмблемой спортивного подразделения баварского автомобильного концерна.

— Узнаешь вещичку? — негромко спросил Тимур, постукивая пальцем по титановой грани. — Мой новенький матовый темно-синий спорткар БМВ М8 Гран Купе. Шестьсот двадцать пять лошадиных сил, керамические тормоза, индивидуальный салон из аллой кожи. Машина только с таможни, пробег всего двести километров. И в придачу — ключи от моего пентхауса на Патриарших прудах с круговой террасой и видом на воду. Ты полгода уговаривал меня уступить этот автомобиль для своего гаража.

Денис замер, буравя взглядом титановый брелок на стекле.

— Ближе к делу, Каримов. Хватит крутить хвостом.

— Ставка простая, Морозов, — Тимур подался вперед, и в его холодных глазах вспыхнул хищный блеск азартного игрока. — Я ставлю этот чертов спорткар БМВ М8 и свой пентхаус против твоей двадцатипроцентной доли в клубном проекте на Софийской набережной. Раз ты считаешь себя непревзойденным альфа-самцом, докажи это делом, а не судебными бумажками.

В комнате мгновенно стихли смешки. Глеб с Марком переглянулись, осознавая масштабы названных цифр. Доля Морозова в набережном кластере оценивалась в сотни миллионов рублей. Это была игра по самым крупным ставкам в городе.

— Правила спора, — продолжил Каримов, отчеканивая каждое слово с жестокой точностью. — Ровно тридцать календарных дней. Ты находишь эту девчонку из полуподвала, втираешься к ней в доверие, заставляешь ее влюбиться в себя по уши и приводишь в свою спальню. Доказательство — ее добровольное признание в любви и проведенная ночь в твоих апартаментах до истечения тридцатого дня. Никакого физического принуждения, никакой прямой покупки за пачки денег. Только чистое мужское обаяние. Справишься — забираешь спорткар БМВ М8 и ключи от Патриарших в день расчета. Сдашься или получишь от ворот поворот — переписываешь на меня долю в проекте и публично признаешь перед всем клубом, что кондитерша сломала тебе хребет.

Денис молчал. В его висках глухо, тяжело стучала кровь.

Перед его глазами снова вспыхнуло лицо нахалки из банкетного зала на Новой Риге. Тонкие вздернутые брови, дерзкий прямой взгляд карих глаз, мазок белой муки на щеке и эта убийственная, медовая улыбка перед тем, как сочный «Красный бархат» расплющился о

его грудь. Ни одна женщина в этом городе никогда не смотрела на него с таким откровенным презрением. Мысль о том, чтобы сломать эту спесь, поставить ее на колени, подчинить своей воле и заставить молить о внимании, отозвалась внутри темной, обжигающей волной триумфа.

— По рукам, — ледяным тоном произнес Денис и протянул широкую сухую ладонь.

Мужчины скрепили пари коротким, жестким рукопожатием.



Тимур довольно оскалился и тут же вытащил смартфон.

— Фиксирую условия в нашем закрытом чате инвесторов. Свидетели присутствуют. Время пошло, хищник. До тридцатого дня включен обратный отсчет.

Денис не удостоил дружков взглядом. Он взял со стола свой телефон и нажал кнопку быстрого вызова.

— Воронов, слушай меня, — бросил он в трубку тоном, не терпящим возражений. — Пекарня «Мякиш и Крем» в Сокольниках. Девушка, Алина Романова. К семи часам утра на моем столе должна лежать полная папка. Вся подноготная. Договоры аренды, банковские выписки, коммунальные задолженности, личные данные владельцев и все слабые места. Мы начинаем полный аудит.

Он сбросил вызов, подошел к панорамному окну и посмотрел вниз, на мерцающие огни ночного города.

В его глазах плескалась холодная, беспощадная сталь. Он привык побеждать в любой сделке любой ценой. И эта дерзкая девчонка с венчиком наперевес очень скоро поймет, какова настоящая цена ее сладкой мести.

## Глава 4. Юридический террор

Субботнее утро в нашей пекарне началось обманчиво мирно.

К половине девятого полуподвал наполнился тем особенным, плотным и теплым уютом, ради которого люди возвращались к нам годами. В воздухе стоял густой аромат свежее испеченного бородинского хлеба с терпким кориандром, подрумяненных сдобных плетёнок с маком и нежной корицы. В косых лучах утреннего солнца, пробивавшихся сквозь зарешеченные окна на уровне асфальта, лениво кружилась золотистая мучная пыльца.

Дядя Боря в накрахмаленном белом колпаке орудовал длинной деревянной лопатой возле подовой печи. Он выгружал на деревянный стеллаж пышущие жаром караваи, бережно постукивая костяшками пальцев по коричневой глянцевой корочке. Хлеб отзывался глухим, правильным звуком спелого зерна.



Старик довольно мурлыкал себе под нос какую-то старинную казачью песню и сиял от счастья.

— Алина, доченька, глянь, какая красота поднялась, — басил он, с любовью поглаживая румяный бок буханки через рукавицу. — Тесто сегодня прямо пело. Ну, рассказывай, как там вчерашний банкет на Новой Риге? Гонорар скоро перечислят? А то наш хозяин вчера опять звонил, грозился с понедельника выставить охрану у входа.

У меня внутри все сжалось в ледяной комок. Горло перехватило спазмом. Я стояла за столом, механически протирая стальной шпатель салфеткой, и мучительно подбирала слова. Как сказать родному человеку, заменившему мне отца, что вместо гонорара мы привезли войну с самым опасным застройщиком Москвы?

— Дядя Боря, понимаешь, там произошла... небольшая накладка, — начала я, чувствуя, как предательски дрожит голос.

Договорить я не успела.

С улицы, прямо над нашими окнами, раздался пронзительный, визгливый вой тормозов.

Тяжелый представительский седан замер у тротуара, обдав витринное стекло веером грязных брызг. Хлопнула массивная дверь автомобиля. Спустя несколько секунд деревянные ступени нашей лестницы закрипели под тяжелыми, уверенными шагами.

Медный колокольчик над входом сорвался на истерический перезвон.

Дверь распахнулась настежь, и в низкий проем полуподвала вошел Денис Морозов.

С его появлением все уютное тепло нашей маленькой пекарни словно вымерзло за секунду. Мужчина заполнил собой тесное пространство, принес с улицы резкий, холодный аромат селективного парфюма с горькими нотами кедровой хвои, черного перца и дорогого табака. На нем был безупречный темно-серый костюм-тройка из плотной итальянской шерсти, темно-бордовый шелковый галстук и ослепительно начищенные черные кожаные туфли, смотревшиеся на нашем скромном линолеуме вызывающе чужеродно.

Ни следа вчерашнего шоколадного конфуза на его лице не осталось.

Гладкая, выбритая до синевы стальная челюсть, холодный насмешливый прищур темных глаз и абсолютная, сокрушительная уверенность хищника, пришедшего за законной добычей.

Дядя Боря застыл с лопатой наперевес, испуганно моргая из-под седеющих бровей.

— Доброе утро, господа кулинары, — произнес Морозов. Его бархатный баритон прозвучал под кирпичными сводами как щелчок взводимого курка. — Рад видеть, что вы сменили вечернее метание сладостей на утреннюю смену.

Я сжала шпатель в руке так, что металл врезался в ладонь.

— Вы перепутали адрес, господин инвестор, — отчеканила я, выходя из-за стойки и загораживая дядю собой. — Частная территория. Выход там же, где вход.

Морозов даже не удостоил мою реплику ответом.

Небрежным движением он вынул из-под мышки тяжелую папку из тисненой кожи цвета ночного неба с серебряным гербом холдинга «Морозов Групп» и с глухим стуком опустил ее на мучной прилавок возле кассового аппарата. Белое облачко муки взметнулось в воздух, осев на дорогой коже, но Денис даже бровью не повел.

— Знакомьтесь, Романова. Досудебная претензия по факту грубого хулиганства, срыва официального протокольного мероприятия и причинения колоссального имущественного вреда.

Он раскрыл первый лист, скрепленный синей гербовой печатью, и начал зачитывать пункты сухим, чеканным тоном судебного исполнителя.

— Пункт первый. Полное уничтожение эксклюзивного вечернего смокинга индивидуального пошива ателье «Том Форд». Согласно экспертному акту химической лаборатории, тончайшие волокна шерсти и натуральный шелк лацканов не подлежат восстановлению после глубокого загрязнения жировым красителем и ягодной кислотой. Сумма прямого ущерба — пятьсот сорок тысяч рублей.

Дядя Боря за моей спиной судорожно охнул. Деревянная лопата с грохотом выскользнула из его рук, ударившись о кафель пола.

— Пункт второй, — безжалостно продолжал Морозов, перелистывая страницу длинными холеными пальцами. — Штрафные санкции со стороны генерального распорядителя загородного комплекса за срыв торжественной части банкета и порчу антикварного напольного покрытия из итальянского мрамора. Один миллион двести тысяч рублей. Пункт третий. Репутационный ущерб холдингу, вызванный распространением видеозаписи инцидента в открытых источниках. Восемьсот тысяч рублей. Итоговая сумма досудебных требований — два миллиона пятьсот сорок тысяч рублей.

Слова эти повисли в воздухе тяжелой могильной плитой.

Слышно было только, как в углу надрывно и сипло гудит компрессор старого холодильника «ЗИЛ».

Дядя Боря побелел так, что его лицо сравнялось по цвету с накрахмаленным колпаком. Могучие плечи старика опустились, дыхание стало коротким, свистящим. Он судорожно схватился левой рукой за грудь, пошатнулся и тяжело осел на разохшийся табурет у жаровни.

— Боря! — вскрикнула я, бросаясь к нему.

Его пальцы мелко тряслись, губы посинели. Старик хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Я лихорадочно сорвала со стены аптечку, выбила зубами резиновую пробку из пузырька корвалола и трясущимися руками накапала мутные пахучие капли в пластиковый стаканчик с водой. Резкий аптечный дух мгновенно заглушил аромат свежего хлеба и кедровый парфюм визитера.

— Пей, родной, пей, дыши глубже, — шептала я, поднося стаканчик к его побелевшим губам.

Дядя Боря сделал несколько судорожных глотков. Затем поднял полные негою ужаса глаза на стоявшего посреди цеха гиганта в костюме-тройке.

— Сынок... господин хороший, — слабым, срывающимся голосом пробормотал старик, и по его щеке, затерявшись в седой бороде, покатила мутная слеза. — Да откуда же у нас такие деньжищи? Мы же простые пекари... Всю жизнь до копейки сюда вложили. Нас же по миру пустят, на улицу вышвырнут... Возьми вот, сынок, хлебушка горячего. Свеженький, только из печи, с маком... Попробуй, он чистый, как слеза...

Дрожащей, обсыпанной мукой рукой старик потянулся к подносу, пытаясь протянуть лощеному хищнику румяную горячую плетёнку.

Денис Морозов брезгливо отступил на полшага назад, окинув протянутую сдобу таким взглядом, словно ему совали кусок ядовитого мусора.

Это движение стало последней каплей.

Вся тревога, вся вина и весь страх за дядю мгновенно переплавились внутри меня в слепую, сокрушительную ярость. Я выпрямилась во весь рост. Схватила с пола тяжелую деревянную пекарскую лопату с длинным черенком и выставила ее вперед на манер рыцарского копья, направив плоский край точно в безупречный шелковый галстук девелопера.

— Убери свои поганые бумажки и пошел вон отсюда, лакированный рэкетир! — зазвенел мой голос, отскакивая от сводов потолка. — Ты сам устроил этот скандал! Ты оскорбил наш хлеб, обозвал его дешевым маргарином, опрокинул этажерку и вел себя как последнее быдло с золотой картой! Думаешь, раз у тебя миллиарды на счетах, тебе позволено топтать стариков? Проваливай, пока я тебе этой лопатой пробор на твоей холеной башке не поправила!

Денис даже не моргнул.

Он не отступил ни на миллиметр. Лишь медленно, с оскорбительным спокойствием поднял правую руку и двумя пальцами отвел черенок лопаты в сторону.

Его тонкие губы искривились в торжествующей, хищной усмешке.

— Заявление в суд и ходатайство об аресте всех расчетных счетов пекарни уже подписаны моими юристами, — не повышая тона, сообщил Морозов. — Срок добровольного погашения истекает в понедельник ровно в двенадцать часов дня. Если денег на счетах не окажется, судебные приставы опечатают помещение, печи пойдут с молотка за бесценок в счет долга, а твой драгоценный дядя отправится на теплотрассу с волчьим билетом и уголовным делом за мошенничество. Выбирай, Романова. Твоя гордость или жизнь твоей семьи.

## Глава 5. Желтый фартук

Денис Морозов выдержал долгую, театральную паузу.

Он наслаждался произведенным эффектом. Медленно опустил руку, поправил манжету сорочки и смерил нас тяжелым, оценивающим взглядом. Все шло строго по его расчету. Ужас осел на наших плечах, парализовав волю к сопротивлению. Теперь настало время вбросить ядовитую наживку, ради которой он явился в наш полуподвал.

— Впрочем, у вас есть выход, Романова, — вкрадчиво произнес он, делая неторопливый шаг вокруг мучного стола. — Наш холдинг в настоящее время рассматривает диверсификацию инвестиционного портфеля в сектор крафтового гастрономического бизнеса. Мне нужен наглядный кейс изнутри. Я готов отозвать досудебную претензию и полностью заморозить судебный иск.

Дядя Боря на своем табурете перестал судорожно глотать воздух. В его слезящихся глазах вспыхнул робкий, отчаянный огонек надежды.

— Более того, — продолжал Морозов, и в его бархатном голосе зазвучали медовые покровительственные нотки, — через две недели состоится закрытый благотворительный прием на Рублевке. Там соберется весь свет столичного бизнеса. Я готов отдать генеральный подряд на все десерты вашей скромной лавке. Сумма официального контракта с лихвой покроет все ваши долги по аренде, штрафы и коммунальные платежи на полгода вперед.

— Господи... Матерь божья... — выдохнул дядя Боря, прижимая дрожащие руки к груди. По его седой бороде снова покатались крупные слезы, на этот раз слезы слепого облегчения. — Вы не шутите, сынок? Вы правда поможете нам?

— Я никогда не шучу деньгами, — Денис повернулся ко мне, прожигая победным, невыносимо самоуверенным взглядом. — Но у меня есть одно непреложное условие. Я лично контролирую каждый этап технологического цикла. Мне нужен сквозной аудит производственных процессов. В течение тридцати календарных дней я буду присутствовать в этом цеху в качестве стажера и куратора. Каждый божий день, от утреннего замеса до вечерней уборки.

Я стояла неподвижно, сжимая черенок пекарской лопаты.

Внутри меня все клокотало от ярости. Я видела его насквозь. Миллиардер, ворочающий жилыми кварталами на сотни гектаров, вдруг решил изучать секреты слоеного теста на пяти квадратных метрах подвала? Какая дешевая, шитая белыми нитками ложь! Этот лохотонный самец пришел сюда с одной целью — сломать мой характер. Залезть ко мне в печенку, превратить каждый день моей жизни в ад, довести до слез и заставить вымаливать пощаду за вчерашний испорченный смокинг.

— Ни за что, — отрезала я, глядя ему прямо в переносицу. — Мы не нуждаемся в вашей фальшивой благотворительности. Подавайте в суд! Мы найдем адвоката и докажем, что вы сами спровоцировали инцидент своими барскими замашками!

— Алина, доченька, побойся бога! — в панике вскрикнул дядя Боря, сползая с табурета и хватая меня за подол фартука. — Какой адвокат? На какие шиши? Суд будет тянуться годами, а в понедельник нас выставят на улицу! Где мы возьмем два с половиной миллиона? Нас же закопают живьем! Человек пришел с миром, предлагает спасение, руку помощи протягивает! Ради памяти твоей покойной матушки, умоляю тебя, согласишься!



Слова дяди резанули по живому.

Я посмотрела на его седые волосы, на осунувшееся после приступа лицо, на руки, покрытые старыми ожогами от противней. Этот человек воспитал меня, отдавал мне последний кусок хлеба, когда мы еле сводили концы с концами. Позволить Морозову уничтожить его жизнь из-за моей гордости?

Я перевела взгляд на Дениса.

Он стоял, слегка склонив голову к плечу, с едва заметной сытой улыбкой удава, уверенного, что добыча уже трепыхается в его кольцах. Он ждал, что я упаду на колени. Ждал слезливой благодарности.

«Ты думаешь, что загнал меня в ловушку, мажор? — подумала я, и в глубине моей души вспыхнуло ледяное пламя кондитерского бунта. — Ты очень скоро поймешь, кто здесь хищник, а кто попал в капкан».

Я медленно опустила деревянную лопату на пол, расправила плечи и сделала шаг вперед.

— Хорошо, — произнесла я ледяным, деловым тоном. — Мы принимаем условия стажировки. Но контракт будет двусторонним, господин инвестор. Это пищевое производство, сертифицированное по государственным стандартам санитарно-эпидемиологического контроля. Здесь действуют строгие правила гигиены и безопасности. И никаких поблажек для представителей списка Форбс в этом подвале не будет.

Денис насмешливо прищурился, засунув руки в карманы брюк.

— Излагай свой регламент, шеф.

— Пункт первый, — начала я загибать пальцы. — В производственной зоне строжайше запрещено находиться в уличной одежде и обуви. Пункт второй. Полное, беспрекословное подчинение распоряжениям старшего смены, то есть моим. Пункт третий. Никаких телефонных разговоров у жарочных шкафов, никаких телохранителей у входа и никаких визитов ваших светских дружков. Пункт четвертый. Вы выполняете всю грязную, черновую работу, положенную ученику пекаря. Отказались от выполнения поручения — контракт немедленно аннулируется, а видеозапись вашего вчерашнего купания в «Красном бархате» со звуком и вашими угрозами улетает во все федеральные СМИ. Договорились?

Морозов коротко, снисходительно усмехнулся.

Про его черный пояс и корпоративные захваты я уже слышала от Светы. Сейчас он оглядел мои весы и венчики с таким видом, будто собирался купить их вместе с инструкцией. Я переставила лопату поперек прохода: к столу он подойдет по моим правилам.

— По рукам, Романова. Документы подпишем в понедельник.

— Документы подождут, — на моих губах расцвела самая ядовитая, медовая улыбка, на какую я только была способна. — Сначала спецодежда. Без формы к станкам я вас не допущу.

Я развернулась, прошла в дальнюю кладовку и поднялась на цыпочки к верхней полке стеллажа.

Там, за коробками с пергаментом, покоилось наше тайное сокровище.

Три года назад на региональной ярмарке меда дяде Боре шутки ради подарили этот шедевр китайского текстильного абсурда. Я стряхнула с пакета пыль и торжественно вернулась в цех, держа вещь перед собой на вытянутых руках.

Это был гигантский хлопковый фартук ядовитого, кислотно-желтого цвета. По груди и подолу шли пышные канареечные рюши из шуршащего нейлона, а на животе красовались три огромные термонаклейки в виде мультяшных алых клубничин с выпученными, ошалелыми глазами.

— Надевайте, — приказала я, протягивая фартук двухметровому девелоперу.

Лицо Дениса Морозова окаменело.

Его темные брови сошлись к переносице в сплошную грозовую тучу. Он посмотрел на желтые рюши, затем на выпученные клубничины, затем на меня.

— Это издевательство?

— Это единственная запасная спецодежда, прошедшая полную термическую обработку и имеющая действующий санитарный допуск, — не моргнув глазом, отчеканила я. — Или вы немедленно надеваете клубнички, или покидаете производственный цех за нарушение санитарного регламента. Выбор за вами, стажер.

Желваки на челюсти Дениса заходили с пугающей амплитудой.

В воздухе раздался отчетливый скрежет его зубов. Он покосился на дверь и снова на меня. Я продолжала держать перед ним клубнички. До выхода три шага — и он прекрасно это видел.

Мысленно матерясь на чем свет стоит, вице-президент девелоперского холдинга сдернул с себя серый пиджак за триста тысяч рублей, небрежно швырнул его на спинку стула и рывком натянул лямку фартука через голову.

Желтые рюши встали дыбом на его могучей груди. Алые клубничины угрожающе натянулись на кубиках пресса. Тесемки на широченной спине едва сходились. Я подошла сзади и лично, с особым садистским наслаждением, затянула узел потуже, так, что Морозов шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

В этот момент входная дверь распахнулась.

В цех с беспечным видом ввалилась Света, держа в руках два картонных стаканчика с горячим капучино.

Увидев грозного инвест-хищника Дениса Морозова в ярко-желтом фартуке с канареечными рюшами и выпученными клубничинами на животе, моя подруга издала странный клокочущий звук. Ее пальцы разжались. Стаканчики с кофе с глухим шлепком упали на пол, заливая линолеум коричневой жижой. Света мгновенно опомнилась, выхватила из кармана смартфон и сдавленно захлопала носом, пряча лицо за экраном и судорожно нажимая кнопку записи.

Денис медленно повернул к ней голову. Во взгляде мужчины плескалось концентрированное желание совершить тройное убийство.

Я тем временем не теряла ни секунды.

Нырнув под раковину, я с грохотом выкатила на середину помещения тяжелое оцинкованное ведро, наполненное до краев мутной мыльной водой с чудовищной дозой хлорной извести. В ведре сиротливо торчала старая деревянная швабра с серой, истрепанной половой тряпкой. От едкого запаха хлорки мгновенно заслезились глаза.

— Ваше первое производственное задание, стажер Морозов, — звонко объявила я, складывая руки на груди. — Вымыть пол в цеху, оттереть следы пролитого кофе и начисто отдраить тридцать стальных противней от пригоревшей сахарной патоки. Металлические губки и чистящий порошок на нижней полке.

Я сделала короткий шаг и носком кеда с силой толкнула оцинкованное ведро вперед.

Серая волна с мыльной хлорной пеной переплеснула через край и щедрым, пенным потоком окатила зеркально начищенные носки черных дизайнерских оксфордов Дениса.

Дорогая кожа мгновенно покрылась белесыми разводами химического раствора.

Морозов замер. Кулаки мужчины сжались с такой силой, что побелели не только костяшки, но и запястья. Казалось, еще секунда, и он просто сломает деревянную швабру пополам о собственное колено.

— Что-то не устраивает, стажер? — сладко поинтересовалась я, любуясь плодами своих трудов. — Ах да, чуть не забыла самое главное правило нашего производства. Завтра воскресенье. Генеральный замес теста на всю неделю. Жду вас у служебного входа ровно в четыре часа тридцать минут утра. Прибывает фура с полуторатонной партией муки высшего сорта. Будете лично разгружать пятидесятикилограммовые мешки. Опоздаете хотя бы на одну минуту — наш договор сгорает.

Денис медленно, не отрывая от меня пылающего ненавистью взгляда, наклонился и взял в пальцы шершавый деревянный черенок швабры.

Его фигура в желтом клубничном фартуке посреди хлорной лужи выглядела верхом комедийного абсурда. Но в его глазах горело холодное, беспощадное пламя настоящей охоты. Он принял бой.

Я улынулась самой светлой улыбкой победителя и развернулась к подовой печи.

Первый раунд нашей войны остался за мной.

## Глава 6. Личный аудит

Сырой осенний туман висел над Сокольниками серым покрывалом. Фонари на чугунных столбах пробивали муть тусклыми желтыми кругами, в лужах у кованой ограды плавали черные кленовые листья, прихваченные первым морозцем. Часы на моем запястье показывали ровно четыре часа тридцать минут утра. В такое время нормальные люди видели десятый сон под теплыми одеялами, но в полуподвале кондитерской «Мякиш и Крем» жизнь уже отсчитывала первые секунды рабочего дня.

Я стояла у тяжелой железной двери в своем старом безразмерном шерстяном свитере под теплым жилетом, вязаных гетрах и стоптанных кроссовках, сжимая деревянный планшет с накладными. Из вентиляционной отдушины тянуло вчерашней сухой ванилью и остывшим сдобным духом. Воздух был колючим, пахло прелой листвой, сырым бетоном и приближающимся дождем.

Со стороны переуллка послышался надсадный рев мотора. Бортовая «Газель» с размаху затормозила у тротуара, обдав бордюр водяной пылью. Дверь кабины с визгом распахнулась, наружу вывалился дядя Гриша, наш поставщик из мукомольного хозяйства, закутанный в засаленный ватник.

— Здорово, Романова, — хрипло гаркнул он, натягивая на кулаки брезентовые рукавицы. — Принимай добро. Тридцать мешков высшего сорта, по полтиннику каждый. Шелковистая, сухая, вчера только с помола сняли. Быстрее подписывай бумаги и зови своих мужиков, а то у меня через сорок минут выгрузка на хлебозаводе в Перово, диспетчер шкуру спустит.

— Сейчас разгрузим, дядя Гриша, — отозвалась я, прижимая накладные к груди. — Помощник обещал быть без опозданий для изучения производственных цепочек.

— Помощник твой из министерства, что ли? — хохотнул водитель, с грохотом откидывая металлические крюки бортов. На настиле открылись плотные штабеля белых пузатых кулей из грубой мешковины. — Пусть пошевеливается, спину погрееет.

За спиной хрустнул прихваченный морозцем лист. Дядя Гриша поднял голову от накладной и присвистнул.

Я обернулась. Из тумана неторопливо выплывал Денис Морозов.

Он выглядел так, словно перепутал полуподвальную разгрузку на окраине с закрытой презентацией в Барвихе. Белоснежные дизайнерские кроссовки с массивной подошвой ступали по мокрой листве с подчеркнутой лентой. Темно-серые спортивные брюки из тончайшей шерсти сидели безупречно, мягкое графитовое кашемировое худи подчеркивало разворот широких плеч. В правой руке он держал высокий термостакан из матовой черной керамики, от которого поднималась струйка свежесваренного черного кофе. Идеальный пробор, гладко выбритое лицо, надменный прищур темных глаз.

— Доброе утро, Романова, — произнес он бархатным, спокойным голосом, остановившись в трех шагах. Он сделал неспешный глоток кофе и окинул вывеску пекарни таким взглядом, будто выбирал, какую стену снести при реконструкции района. — Четыре тридцать. Надеюсь, ты оценила мою пунктуальность. Я выделил два часа до утреннего совещания совета директоров, чтобы провести аудит логистики и оценить трудозатраты вашего полукустарного производства. Где управляющий? Пусть покажет отчетность за прошлый квартал.

Я медленно смерила его взглядом от мокрых шнурков до аккуратной челки.

— Управляющий спит дома, Морозов. Вчера до полуночи месил тесто на опару. А твой аудит начнется прямо сейчас.

Я опустила руку в карман своего теплого жилета и извлекла наружу главное орудие трудового воспитания.

Это был вчерашний желтый фартук, уже выстиранный после уборки. Канареечные нейлоновые рюши топорщились по груди и подолу, три клубничины тарашили глаза с хлопковой ткани. Подарок дяде Боре с медовой ярмарки оказался на редкость полезен: вчера — для пола, сегодня — для воспитания инвестора.



— Держи, инвестор, — я протянула ему сложенную ткань. — Надевай. Без спецодежды вход в зону разгрузки категорически воспрещен санитарными нормами.

Морозов даже не шелохнулся. В уголках его губ зазмеилась презрительная усмешка.

— Романова, ты перепутала берега. Мое худи стоит больше, чем вся месячная выручка этой богадельни вместе со стульями и скалками. Я не стану натягивать клоунский реквизит.

— Вот как? — я приподняла бровь, доставая старенький кнопочный телефон. — Тогда я прямо сейчас звоню дяде Боре. Мы глушим печи, вешаем на дверь замок и собираем вещи. А ты через две недели будешь объяснять организаторам загородного приема в Барвихе и своим банкирам, почему сорван эксклюзивный десертный контракт, и почему досудебная претензия о рейдерском давлении легла на стол генерального прокурора. Выбирай. Либо соблюдаешь договор о стажировке и надеваешь форму, либо катись в свой офис прямо сейчас.

Желваки на его скулах вздулись так резко, что кожа натянулась белыми буграми. В темных глазах вспыхнула неприкрытая ярость. Но я стояла на месте, даже не моргнув.

Морозов выдохнул сквозь зубы. Он поставил стакан прямо на шершавую крышку ржавого мусорного бака у стены, протянул руку и резким рывком вырвал желтый фартук из моих пальцев.

Одним движением он натянул лямку через голову. Застиранная хлопковая ткань облепила дорогой кашемир. Канареечные рюши нелепо топорщились на его широких ключицах, три клубничины растянулись на груди. Он завязал тесемки на пояснице узлом, от которого затрещали швы.

— Довольна? — глухо бросил он, прожигая меня взглядом.

— Почти, — невозмутимо отозвалась я, делая пометку карандашом на листе накладной.  
— Начало положено.

— Эй, молодежь! — гаркнул из кузова дядя Гриша, сдвигая первый мешок к краю борта.  
— Время идет! Принимай куль, парень!

Денис подошел к кузову, вытянул руки и попытался ухватить верхний тюк двумя пальцами за торчащий угол мешковины. Ткань натянулась, затрещала, но пятидесятикилограммовая туша даже не шелохнулась. Мешок лежал как гранитная плита.

Морозов нахмурился. Он отступил на шаг, вытер ладони о бока спортивных штанов, достал тонкий смартфон в титановом корпусе и за секунду разблокировал экран. Пальцы замелькали над сенсором с пулеметной скоростью.

— Что ты делаешь? — прищурилась я.

— Решаю проблему эффективным рыночным методом, — холодно бросил он. — Сервис срочного найма персонала. Четыре грузчика будут здесь через семь минут. Тройной тариф по безналичному расчету. Они перетаскают этот мусор за четверть часа, пока я буду изучать ведомости.

Я шагнула к нему сзади неслышно, словно кошка. Прежде чем он нажал кнопку подтверждения заказа, моя рука скользнула мимо его локтя. Я ловко подцепила титановый корпус кончиками пальцев, выдернула аппарат из его хватки и тут же утопила в самом глубоком кармане своего жилета, застегнув молнию до упора.

— Романова! — рявкнул Морозов, резко разворачиваясь. Его фигура нависла надо мной грозной стеной. — Верни трубку. Там конфиденциальная переписка и доступ к счетам компании.

— В кармане полежит, целее будет, — я прикрыла ладонью молнию. Он посмотрел на нее и убрал протянутую руку. — В наших условиях стажировки сказано — личное участие инвестора во всех базовых производственных процессах. Хлеб не выпекается нажатием кнопок в приложении. Хлеб делается спиной, руками и потом. Ты хотел узнать, как выживает наше дело? Своими ручками, инвестор. Только своими ручками. Никаких наемных батраков. Время пошло.

Дядя Гриша в кузове запрокинул голову и залился раскатистым хохотом.

— Ай да девка! Ну что, барин, приплыли? Давай хватай, а то до вечера тут прокукуем!

Денис замер. В его висках бешено стучала кровь, напряглись мышцы челюсти. На секунду мне показалось, что он сорвет фартук и просто уйдет. Но в этом столичном хищнике вдруг проснулось темное мужское упрямство, не позволявшее отступать перед вызовом.

Он медленно закатал рукава худи до самых локтей. На предплечьях рельефно проступили тугие жгуты жил и темные дорожки вен.

— Отойди от борта, Романова, — бросил он глухим баритоном.

## Глава 7. Сахарный снеговик

Он подошел к кузову вплотную, уперся коленом в колесо, глубоко присел и обхватил неподъемный тук обеими руками снизу. Мышцы бедер и спины натянулись под одеждой. С коротким рыком Денис оторвал мешок от настила, мощным рывком подбросил в воздух и взвалил на правое плечо.

Тяжесть пятидесяти килограммов помола ударила по нему сокрушительным весом. Подошвы белых кроссовок со звуком вжались в раскисшую грязь. Мешковина мгновенно впилась в шею, царапая кожу колючими волокнами. Сквозь грубое плетение ткани вырвалось первое белесое облачко едкой пыли, ударившее прямо в лицо.

Денис кашлянул, зажмурился и сделал первый тяжелый шаг по направлению к лестнице в полуподвал.

Лестница была крутой и узкой. Ступени из выщербленного бетона блестели от сырости, сверху нависал низкий косяк проема. Одно неловкое движение, один скользкий шаг — и центнер живого веса полетел бы кубарем вниз.

Денис спускался медленно, широко расставляя ноги и вжимаясь левым плечом в кирпичную стену. Я шла следом, наблюдая за каждым его движением. Дыхание стало частым, с хриплым подсвистом. На повороте мешок потянул его к перилам. Денис уперся в стену плечом и переждал, пока груз перестанет съезжать.

С глухим стуком первый мешок рухнул на деревянный поддон у мучного ларя. Денис выпрямился, уперся ладонями в колени и жадно глотнул сырой подвальный воздух. На шее алели глубокие полосы от жесткой нити, на висках блестели крупные капли пота, смешанные с белой мучной пудрой.

— Один, — невозмутимо констатировала я, стоя у входа с кружкой горячего чая из чабреца. — Осталось двадцать девять. Темп слабоват, инвестор. Водитель нервничает.

Он ничего не ответил. Лишь полоснул меня тяжелым взглядом, развернулся и зашагал обратно по ступеням вверх во двор.

Следующие сорок минут превратились в методичную, беспощадную проверку на прочность.

Денис таскал мешок за мешком. Пятый. Десятый. Пятнадцатый. Кашемировое худи промокло насквозь и потемнело от пота, налипнув на спину и грудь. Белоснежные кроссовки превратились в бесформенные серые комья грязи. Пальцы, не защищенные перчатками, покрылись ссадинами от шершавой пеньки, ладони горели огнем. Пыль висела в воздухе сплошной завесой, оседая на его темных волосах, бровях и ресницах.

Дядя Гриша подавал тюки молча, с неожиданным одобрением поглядывая на парня, который сгибался под грузом, но не издал ни единого стога и ни разу не попросил передышки.

К двадцать пятому мешку ноги Дениса начали мелко дрожать на каждой ступени. Он поднимался во двор медленнее, шатаясь от усталости, но в походке не было покорности. В нем клекотало упрямство строительной династии.

Я стояла у двери, прихлебывая чай, и ловила себя на странном чувстве. Я ждала, что он сломается на десятом куле, швырнет мешок, начнет орать и угрожать адвокатами. Мне хотелось увидеть его слабость, чтобы оправдать собственную неприязнь.

Но Морозов не ломался. Он молча тащил груз в желтом фартуке с клубничками, сжав зубы до скрипа.

Наконец кузов грузовика опустел.

— Все, красавица, принимай последний! — крикнул водитель, захлопывая борт с металлическим лязгом. — Тридцатый пошел! Парень у тебя двуличный, хоть и городской. Береги такого!

Денис взвалил последний мешок на плечо. Его шатало от истощения. Он шел через пустой мокрый двор, глядя исключительно под ноги, ссутулив спину и шумно выталкивая воздух сквозь забитые пылью ноздри.

Оставалось преодолеть последние три ступеньки и перешагнуть порог тамбура.

И в этот момент мокрая резина подошвы наступила на обледенелый стальной уголок порога.

Нога резко ушла в сторону. Денис потерял баланс, дернулся, пытаясь удержаться, и плечом врезался в косяк. Тяжелый тук сорвался, полетел вниз и с размаху ударился об острый край металлической пластины.

Раздался сухой треск рвущейся ткани.

Центральный шов лопнул от верха до низа.

В узком пространстве тамбура взорвалась настоящая рукотворная метель. Пятьдесят килограммов тончайшей пшеничной муки взлетели на воздух плотным белым облаком. Ударная волна заполнила весь лестничный пролет, ударила в потолок, вырвалась наружу сквозь дверной проем и накрыла тамбур непроницаемой завесой.

Я успела лишь прикрыть рот ладонью, но меня тоже обдало белой пудрой с головы до ног.

Когда мучная пыль начала медленно оседать на пол, моим глазам открылась картина невероятной силы.

Денис Морозов сидел на корточках посреди этого белого безумия, в самом эпицентре погрома.

Он был белым абсолютно весь. С ног до головы. Меловая пудра ровным слоем покрывала его темные растрепанные волосы, превратив их в парик екатерининского вельможи. Белыми стали брови, густые ресницы, гладкие скулы и шея. Желтый фартук с клубничками исчез под плотной гипсовой коркой, лишь кончик зеленого хвостика ягоды проглядывал сквозь сугроб на животе. Он сидел совершенно неподвижно, похожий на античную статую, которую сто лет держали на пыльном чердаке.

Денис медленно моргнул. С ресниц сорвались две маленькие снежинки. Он шумно втянул воздух носом и громко чихнул. Из ноздрей брызнули два аккуратных белых фонтанчика.

Я смотрела на него две секунды в тишине.

А затем плотину прорвало.

Я прижалась спиной к осыпанной мукой стене, сползла по ней на пол и начала хохотать. Я попыталась произнести его фамилию и согнулась пополам. Дядя Гриша заглянул в тамбур, увидел моего мучного вельможу и тоже заржал, держась за борт. Я хохотала так, что звенели банки на полках в подвале, хлопала ладонями по коленям и никак не могла остановиться.

— Боже мой, Морозов! — всхлипывала я, задыхаясь от смеха. — Ты просто сахарный снеговик! Акула бизнеса в сахарной пудре! Тебя прямо сейчас можно ставить на витрину вместо рекламы булок!



Не переставая смеяться, я выхватила из кармана его смартфон, дважды щелкнула боковой клавишей для быстрого запуска камеры и навела объектив на поверженного мажора.

Экран мигнул вспышкой. Снимок запечатлел этот шедевр для вечности — белое лицо, облепленные ресницы, торчащие рюши фартука и смертоносный взгляд темных зрачков.

Денис медленно поднял голову.

В его взгляде не было растерянности обиженного мальчика, которому испортили дорогую игрушку. В нем горело такое свирепое, концентрированное мужское пламя, что мой смех оборвался на полуслове, застряв комком в горле.

Он не стал орать. Не стал ругаться или бросать вещи.

Денис молча поднялся на ноги. С его плеч и груди посыпались сугробы пыли. Он опустился на колени прямо в рассыпанную муку, подобрал разорванные края мешка, закрутил их узлом и, сцепив зубы, рывком поволок оставшуюся муку по полу внутрь склада. Мышцы спины бугрились под влажным кашемиром, костяшки побелели от напряжения, но он дотащил мешок до поддона и уложил поверх остальных тюков.

Затем он подошел к дверному проему, где стояла щетка с жестким ворсом и совок. Молча взял инструмент и принялся методично сгребать рассыпанную по полу муку в ведро.

Я поднялась у стены и убрала телефон. Денис выгребал муку из-под нижней ступеньки, а я все еще держала готовую колкость на языке. Теперь она царапала горло. На его содранных ладонях пыль сбилась розовыми комочками.

Я подошла к нему, достала из ящика чистое полотенце и протянула на раскрытой ладони.

— На, — сказала я тихо, без тени прежней язвительности. — Вытри лицо. А то глаза воспалятся.

Денис замер. Рука со щеткой остановилась. Он медленно перевел на меня тяжелый взгляд, но полотенце взял, коснувшись моих пальцев горячими, содранными ладонями. От этого прикосновения по спине пробежала странная дрожь.

— Разгрузка закончена, Романова, — произнес он хрипло, вытирая белую корку со лба. — Что дальше по твоему графику?

Я слотнула, глядя на его дрожащие от перенапряжения пальцы.

— Далее — кухня, Морозов. Будем учить тебя взбивать белки для капкейков. Если твои руки способны удержать что-то легче лома.

Он криво усмехнулся пыльными губами.

— Способны. Веди на свою кухню.

## Глава 8. Турборежим

Вечер плавно перетекал в глухую ночь, а моя пятиметровая кухня в сокольнической хрущевке напоминала отсек подводной лодки перед торпедной атакой.

Здесь было тесно даже одному человеку с пухлой разделочной доской, а вдвоем мы буквально задевали друг друга локтями при каждом повороте. Старая газовая плита работала на полную мощность, раскаляя воздух до состояния финской сауны. Стекло духовки запотело изнутри крупными каплями конденсата, в густом мареве плавал пьянящий коктейль запахов — сливочное масло, жженный тростниковый сахар, горьковатая ваниль и щепотка кардамона.

У узкого подоконника, заставленного банками с кондитерскими посыпками и весами, стоял Денис Морозов.

После утренней каторги с мешками он успел съездить домой, но теперь снова стоял на моем линолеуме. На нем была свежая серая хлопковая футболка, выгодно обтягивающая широкие плечи, но поверх нее вновь красовался тот самый желтый фартук с алыми клубничками и рюшами. Он двигался с осторожностью раненого медведя — спина и поясница после тридцати мешков муки одеревенели настолько, что каждое движение давалось ему через глухой сдавленный выдох. Однако признаться в слабости перед «подвальной девчонкой» ему не позволяла врожденная спесь.

— Долго мы еще будем дышать этим угарным газом? — осведомился он, разминая шею затекшей рукой. — На дворе одиннадцатый час. Нормальные предприятия используют автоматизированные конвекционные шкафы с климат-контролем, а не музейные экспонаты эпохи застоя.

— Нормальные предприятия не берут кредиты у рейдеров, — отрезала я, с виртуозной скоростью разбивая яйца над стеклянной миской.

Скорлупа с сухим щелчком раскалывалась о край, желтки отправлялись в керамическую плошку для заварного крема, а прозрачные белки стекали на дно широкой чаши из нержавеющей стали. Двадцать отборных яиц высшей категории. Чистый, идеальный белок без единой капли жира или желтка.

Я вытерла пальцы полотенцем и указала подбородком на тяжелый настольный планетарный миксер с массивным металлическим венчиком.

— Твоя задача элементарна, инвестор. Берешь эту чашу с белками, фиксируешь в пазах до щелчка. Затем засыпаешь вот эту просеянную сахарную пудру тонкой, ровной струйкой. И включаешь первую скорость. Первую, Морозов! Чтобы пудра плавно соединилась с белком. И главное — обязательно надень прозрачный пластиковый купол-брызговик. Он защищает от брызг. Все понял?

Денис оскорбленно усмехнулся, глядя на прибор сверху вниз.

— Романова, я руковожу строительным холдингом с капитализацией в десятки миллиардов. Ты всерьез полагаешь, что я не разберусь с кухонным вентилятором на три кнопки? В любом бизнесе скорость решает исход сделки. Чем быстрее крутится ротор, тем быстрее достигается нужная консистенция. Закон физики и оптимизации процессов.

— Не вздумай умничать с кондитерской химией! — крикнула я, потянувшись к противню с тестом. — Надень крышку!

Но мажор меня уже не слушал.

Он снисходительно хмыкнул, отставил прозрачный защитный купол в сторону на подоконник, опустил металлический венчик в глубокую чашу с жидкими белками и горкой пудры, а затем уверенным барским жестом сдвинул хромированный тумблер управления до самого упора вправо.

Сразу на третью скорость. В предельный турборежим.



Мощный промышленный электромотор взвыл, словно форсажный двигатель истребителя на взлетной полосе. Металлические прутья венчика раскрутились до бешеных оборотов за десятую долю секунды.

Раздался глухой, чавкающий хлопок.

Жидкая, скользкая белковая масса вперемешку с облаком невесомой сахарной пыли не успела даже взбиться. Центробежная сила подхватила ее со дна чаши и единым мощным, липким гейзером выбросила вертикально вверх.

Белоснежный сладкий фонтан с гулким шлепком врезался прямо в побеленный потолок хрущевки.

От потолка взрывная волна рикошетом ударила по стенам, заливая выцветшие обои с мелкими цветочками, оконное стекло, стопки чистых тарелок на сушилке и, разумеется, самого Морозова. Густая, пенистая белая жижа накрыла его лицо плотной сладкой маской. Она залепила ему лоб, забилась в аккуратный пробор темных волос, повисла на ресницах и толстым слоем облепила нос, щеки и подбородок.

С кончика его породистого прямого носа медленно, лениво сорвалась крупная мутная капля и с тихим звуком упала прямо на алую клубнику на фартуке.

Я замерла с открытым ртом, онемев от масштаба катастрофы. Затем метнулась к розетке и с корнем выдернула шнур питания. Мотор миксера заглох, издав жалобный стонущий свист.

В кухне повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным гудением старого холодильника и редкими шлепками падающих с потолка сладких сталактитов.

Денис стоял неподвижно, держа руки на весу. Его темные глаза, обрамленные белыми ресницами, медленно моргнули. Он осторожно приоткрыл рот, чтобы сделать вдох, и тут же шумно отплюнул попавшую на язык пену.

— Кажется, — он скосил глаза на каплю, сползавшую по носу, и с достоинством стряхнул ее, — этот прибор не откалиброван должным образом.

Я глубоко вздохнула, досчитала до пяти, чувствуя, как внутри закипает смесь бешеной злости и неудержимого смеха.

— Не откалиброван? Морозов, ты угробил двадцать яиц и килограмм французской пудры мелкого помола! Посмотри на потолок! У меня теперь на кухне пещера с соляными наростами!

Я развернулась, достала из-под раковины цинковое ведро, с грохотом набрала в него горячей воды из крана, сыпанула горсть моющего порошка и сунула ему в руки пачку плотных вискозных салфеток и старую деревянную швабру с металлическим зажимом.

— Держи свой инструмент оптимизации, господин девелопер. Либо мы отмываем эту сладость до того, как белок засохнет и намертво схватится с побелкой, либо завтра утром нас съедят тараканы размером с твой служебный автомобиль. Работай.

Так началась наша ночная осада пяти квадратных метров.

Это было настоящее испытание на выживание в замкнутом пространстве. Единственный проход между кухонным столом и стеной составлял ровно шестьдесят сантиметров. С одной стороны пылала жаром газовая духовка, от которой исходил сухой нестерпимый зной, а с другой высился монументальный белый исполин — старый пузатый холодильник марки «ЗИЛ» с тяжелой хромированной ручкой-защелкой, доставшийся мне еще от бабушки. Он урчал, вздрагивал и периодически издавал глухие металлические щелчки, словно живой сторожевой пес.

Денис, задрав голову, методично драил потолок мокрой тряпкой, намотанной на швабру. Мышцы его спины и плеч отчетливо перекачивались под тонкой серой тканью футболки. Пот градом катился по его вискам, смывая остатки сладкой пены.

Каждый раз, когда мне требовалось подойти к раковине, чтобы ополоснуть салфетку, мне приходилось буквально протискиваться между раскаленной плитой и широкой фигурой Морозова.

— Романова, ты можешь двигаться по другой траектории? — сквозь зубы бросил он, нажимая на швабру так, что деревянный черенок жалобно скрипел. — Ты постоянно вторгешься в мою рабочую зону.

— Это моя кухня, Морозов! Другой траектории здесь не предусмотрено советскими архитекторами! Втяни живот и прижмись к стенке!

Я сделала шаг вперед с влажной тряпкой, пытаюсь обойти его сзади. В этот момент подошва моих кроссовок скользнула по лужице мыльной воды на линолеуме. Я покачнулась, потеряв равновесие, и невольно взмахнула руками.

Денис отреагировал мгновенно.

Он выронил швабру, резко развернулся всем корпусом и выбросил вперед правую руку, чтобы поймать меня. Но его собственная мокрая подошва предательски поехала по линолеуму. Он не упал, однако по инерции подался вперед и с глухим стуком уперся широкой ладонью в деревянный косяк шкафа прямо над моей головой.

Я оказалась в глухом капкане.

Моя спина уперлась в холодный, гладкий эмалированный бок холодильника «ЗИЛ». А прямо передо мной, на расстоянии всего в несколько сантиметров, стоял Денис Морозов.

Его тяжелая горячая ладонь упиралась в косяк над моим правым плечом. От его тела исходил густой, волнующий жар раскаленных мышц, горьковатый аромат дорогого парфюма с нотами кедра и табака, смешанный с запахом теплой ванили и мокрого сахара. Его грудь тяжело вздымалась под тонкой тканью, почти касаясь моего свитера при каждом глубоком вдохе.

Воздух между нами мгновенно сгустился, превратившись в натянутую до звона струну.

Я замерла, боясь шелохнуться. Сердце в груди заколотилось как сумасшедшее, отдаваясь гулкими ударами в висках. Я подняла глаза и утонула в его темном, обжигающем взгляде. В полумраке кухни его зрачки расширились почти на всю радужку. Я ждала очередного замечания о тесной кухне. Он смотрел на мой рот и молчал; большой палец на косяке сдвинулся, царапнув краску. Я поймала себя на том, что наклоняюсь к нему.

Его взгляд медленно скользнул с моих глаз вниз, на мои приоткрытые, пересохшие губы.

Денис шумно втянул воздух сквозь зубы. Его дыхание обожгло мою щеку, заставив кожу покрыться мурашками. Он стоял так близко, что я чувствовала жар его тела сквозь плотную ткань одежды. В этой тесноте пятиметровой кухни между нами не осталось безопасной дистанции. Урчание холодильника отдавалось мне в спину. Чтобы пропустить его, хватило бы повернуть плечо. Я продолжала стоять, а его взгляд задерживался на моих губах все дольше.

— Романова, — произнес он хриплым, упавшим голосом, и звук его шепота отозвался странной сладкой болью где-то под ложечкой. — Ты всегда такая невыносимая?

## Глава 9. Половина круассана

— Только с теми, кто включает турборежим без спроса, — попыталась съязвить я, но мой голос дрогнул и прозвучал неприлично тихо.

Денис медленно опустил руку со стены. Но он не отодвинулся. Он продолжал смотреть на меня в упор, и в этой звенящей паузе отчетливо слышалось потрескивание корочки в духовке.

Прошел еще час, прежде чем последний след белковой катастрофы был ликвидирован.

Стены сияли чистотой, линолеум был вымыт до скрипа, потолок избавлен от липких наростов. Стрелки настенных часов неумолимо приближались к двум часам ночи.

Я стояла у разделочного стола, покрывая свежеспеченные шоколадные капкейки остатками спасенного сливочного крема с добавлением маскарпоне. Пальцы, уставшие от бесконечной уборки и работы, слегка подрагивали, удерживая тяжелый конусообразный кондитерский мешок с фигурной насадкой.

Денис стоял рядом, прислонившись бедром к краю раковины. Он уже снял фартук, аккуратно повесив его на крючок, и молча наблюдал за тем, как на верхушках пирожных рождаются идеальные спиральные шапки цвета топленого молока.

Внезапно он шагнул ко мне вплотную.

— Замри, — негромко сказал он.

Я инстинктивно вскинула подбородок, готовая огрызнуться и защититься привычным сарказмом. Но слова застряли в горле.

Денис протянул руку. Его пальцы, огрубевшие после утренней разгрузки мешков, с темнеющими свежими ссадинами на костяшках, осторожно коснулись моей щеки. Кожа у него на подушечках пальцев была горячей и шершавой. Очень мягким, плавным движением большого пальца он провел по моей высокой правой скуле, стирая мазок свежего крема, который я перенесла на щеку запястьем.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.